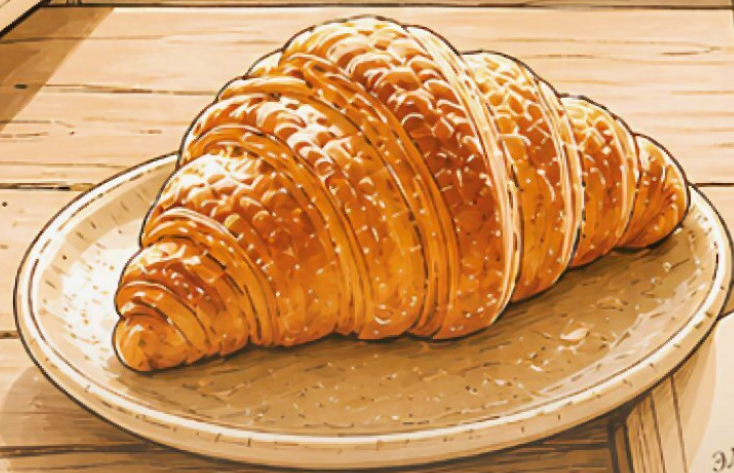

Елена Сатирова

Литературные круассаны

доктора Лены

Книга-утешение
о силе, любви и надежде

Эти маленькие
кусочки жизни:
эмоции, воспоминания,
победы, поражения –
способны успокоить,
подбодрить, дать
возможность лучше
узнать самого себя.

Записки российских блогеров

Елена Сатирова

**Литературные круассаны
доктора Лены. Книга-утешение
о силе, любви и надежде**

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сатирова Е. Ф.

Литературные круассаны доктора Лены. Книга-утешение о силе, любви и надежде / Е. Ф. Сатирова — «Эксмо», 2026 — (Записки российских блогеров)

ISBN 978-5-04-254605-1

Елена Сатирова — врач-онколог со стажем более 20 лет, и за эти годы она поняла: ее пациенты — не просто люди, которым нужна помощь. Это ее учителя. И тогда доктор Лена собрала уникальные истории жизни своих «конкистадоров» и создала этот сборник живых, пульсирующих историй о настоящих людях, которые научили своего доктора главному — жизнь прекрасна даже тогда, когда она бросает самые жестокие вызовы. Это книга не про смерть, она про жизнь! Про семьи, которые или ломаются, или становятся крепче стали. Про дружбу, которая проверяется годами реанимаций и бессонных ночей. Про выбор — сдаться или идти дальше. Про маленькие радости: кофе в турочке и пиво из Праги. Книга доктора Лены не обещает счастливый финал в каждой истории, но дарит что-то более ценное: понимание, что даже в самых темных обстоятельствах человек способен оставаться человеком. Любить. Заботиться. Прощать. Смеяться. Откройте эту книгу. И приготовьтесь встретить людей, которых вы не забудете никогда.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-254605-1

© Сатирова Е. Ф., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Введение	8
Выбор	10
Дунай в моей крови, и как я научилась мечтать	11
Часть 1	13
Олеся	13
Таня	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Елена Сатирова

Литературные круассаны доктора Лены: книга-утешение о силе, любви и надежде

© Сатирова Е. Ф., текст, 2026

© Моисеева К. Е., художественное оформление, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

«На самом деле мы не сразу понимаем, к чему были те испытания, что иногда «бьют» нас больно, наотмашь... И если мы будем учиться видеть жизнь, людей, события с добрым и чистым сердцем, красивыми и яркими, то они таковыми и будут даже в испытаниях и проблемах, которые так или иначе решатся. Гибкость и позитивное восприятие сделают нас счастливыми».

Доктор Лена

Елена Сатирова – жизнерадостный онколог, писатель и автор популярного блога «Доктор Лена». За 24 года практики она наблюдала перипетии сотен судеб, видела, как переворачива-

ются жизни, рушатся надежды, гаснет вера. Но она же был свидетельницей великих подвигов человеческого мужества, упорства, преданности и любви. Её книга – хроника таких свершений, рассказанная от лица той, кто ласково называет своих героев «мои Конкистадоры». Для доктора Лены – это не просто люди, которым она помогает. Это ее учителя. Они показывают, как сохранять достоинство, когда тело предает. Как любить сильнее, когда времени остается меньше. Как смеяться, когда хочется плакать. Как прощать. Как жить.

«Читается эта книга на одном дыхании. Для меня она о том, что жизнь после рака есть и во время рака – тоже есть. И эта жизнь точно может быть счастливой. Необъятная по количеству проживаемых эмоций книга. Я ревела почти на каждой странице, начиная с первого круассана.

Рекомендую к прочтению всем».

Ольга Савельева, писатель

Введение

Владелица виртуальной пекарни

Писать истории – это как печь круассаны. Ты долго готовишься, откладываешь, но идея не покидает твою голову. Она словно зреет, как тесто, и в один прекрасный момент рождается. И ты больше не имеешь к ней отношения. Никакого. Она родилась и зависла в пространстве, а ты идешь дальше. Если мне случается вдруг, через время, перечитать какой-нибудь из моих «литературных круассанов», я даже поверить не могу, что я это написала. Так удивительно становится, что я приложила руку к этим совершенно самостоятельным строкам. Не потому, что они какие-то особенные, талантливые или прекрасные, а просто потому, что их раньше не было, а теперь они есть и сложились в ожившую историю. Как картина из пазла издалека выглядит цельным произведением, так и здесь – буквы, слова, точки и запятые рожают смыслы, выводы, воспоминания, оживляя тех, кто остался в сердце навсегда.

Однажды, будучи в декретном отпуске, я узнала про литературный конкурс среди молодых мам на одном из сайтов. Ничего особенно. Пришли свой рассказ и жди реакции.

Я не знала, о чем написать. Белый лист в голове. Но он написался. Мой первый «литературный круассан» – история про мальчика, который рисовал настроение. И да, в этой истории было много меня, в том числе упоминалась и моя профессия, онколог, ведь это то, что являлось моей страстью. В декрете я скучала по работе и готовилась к ней вернуться. Тот рассказ занял первое место, и мне подарили приз – красивую записную книжку с вышитым золотом замысловатым узором.

Я не умею придумывать истории. Они все реальные, даже имена героев сохранены. С некоторыми из них мне удалось обсудить возможность их упоминания и получить согласие.

С некоторыми, ушедшими раньше, не удалось договориться, но я почему-то уверена, что они не стали бы возражать. Но я, конечно, сменила им имена и некоторые обстоятельства.

Я бы так хотела уметь сочинять, но увы. Хотя я все же нашла свою суперсилу.

Я умею быть благодарной и делать выводы. Поэтому, наверное, эти литературные этюды – отражение моей хрупкой душевной организации, которую воспитывали, учили, дополняли и дополняют мои главные герои. Мои Конкистадоры.

Когда мне пришла в голову идея вести познавательный блог онколога для пациентов в одной из популярных соцсетей, я резво приступила заполнять ленту полезной информацией. Я писала «онколикбезы» и разъясняла важные моменты, чего так не хватает нашим подопечным. Про побочные эффекты, про странные законы онкологии и терминологию. Но вдруг мне стало страшно. Это же так грустно – все время читать про рак, про болезнь, которая подарила столько страданий. И я решила разбавить их «литературными круассанами».

Я отчетливо представляла, как пациент или пациентка наливает себе чашечку кофе, добавляет из молочника сливки, которые расходятся красивыми витками, меняя цвет, осветляя, разбавляя радостью черный напиток. Берет в руки чашку и долго смотрит на клубы дыма, словно силится вдохнуть весь пряно-горький аромат этого замечательного субботнего утра. Перед ним или ней планшет или телефон. Он или она открывает текст «литературного круассана», глубоко, в предвкушении, вдыхает, поднимая плечи, и погружается в чтение. Некоторые истории кажутся слишком грустными, иногда мелодраматичными, возможно даже вызывают слезы, но оставляют послевкусие.

Эти маленькие кусочки жизни: эмоции, воспоминания, победы, поражения способны успокоить, подбодрить, дать возможность лучше узнать самого себя. Непростые истории помогут осознать собственное счастье, напомнят, как прекрасна и удивительна жизнь, не обеща-

нивая пройденный путь и случившиеся невзгоды. А еще от этих «круассанов» не полнеют, что особенно приятно.

Возможно, кому-то эта книга покажется слишком личной, но у меня не было задачи удариться в вязкие воспоминания, лишь проявить то, почему я стала именно таким врачом, что за всей моей хрупкостью и уязвимостью есть много силы и смелости, которая иногда мне очень мешала и даже вредила, но ни одной минуты за все 23 года практики я не пожалела, что избрала эту дорогу. Однажды засомневавшись в желании стать онкологом, я зашла в храм, и мимо проходящий священник спросил меня, почему я плачу и не хочу ли я поговорить. И оказался это Владыка Лонгин. У него нашелся час времени для меня и слова поддержки, что сомневаться и искать – это нормально. Мы пили чай с черешневым вареньем в его кабинете с большими кожаными креслами и книгами, говорили, он вспоминал свои метания в отрочестве и сказал: «Если Господь привел тебя на этот путь и столкнул с этими людьми, значит все не случайно. Доверься ему. Это и есть твоя дорога!».

И я ступила на эти скрипучие половицы онкологического диспансера поступью растерянной Фике, я шла сквозь груды боли и страданий, книг и статей, толкаясь в толпе более продвинутых и умных, цепких и тщеславных коллег, ища свою дорогу. И всегда ощущала над собой бережное крыло ангела-хранителя, который успокаивал и шептал: «Ты справишься, пройдет, все так и должно быть, иди вперед, я – рядом».

Выбор

Я мечтала стать артисткой. Потом учителем. И писателем, конечно. Но это никак не укладывалось в схемы моих родителей, которые закончили педагогический институт в городе Измаиле. Я не очень вписывалась в их схему старшей из трех дочерей. Смешливая, излишне эмоциональная, непослушная авантюристка. Но отказаться от плана вырастить из меня приличного человека они не могли. Поэтому, когда я, растерянная, пришла к маме, филологу, с сочинением «кем я хочу стать» и высказала все свои идеи на этот счет, мама поняла, что надо действовать. Никакой демократии и свободы выбора. Мама подсунула мне статью из «Комсомолки» про каких-то замечательных хирургов, спасших жизнь человеку. Я вдохновилась и спросила: «А что нужно делать, чтобы стать врачом?». Мама выдохнула, удивилась, наверняка, что бой был выигран так легко. «Хорошо учиться, доченька! Напирать на биологию, химию и русский язык». И я начала напирать.

В следующий раз вопрос «так кем я хочу стать?» я задала себе на третьем курсе медицинского факультета университета. Стандартный кризис «третьего курса» студента-медика. Я тогда очень увлекалась хоровой музыкой, открыла в себе голос, страшно злилась на папу, который воспротивился маминому желанию отдать меня в музыкалку, ибо не обнаруживал во мне таланта или хотя бы музыкального слуха. Да, он ошибся. Слух и голос у меня были. А музыкального образования мне не хватает всю жизнь. За это расплатились мои дети, закрыв мой гештальт своими гитарой и флейтой. Но тогда, на третьем курсе я возомнила из себя певицу и подала документы в музучилище на классический вокал. Да, вот так дерзко, не обучаясь сольфеджио, не владея музыкальным инструментом. И у меня все отлично получалось, пока мне не сказали, что надо подавать документы, ибо все прослушивания я прошла. Подавать документы? Это же значит забрать их из медицинского! Закрывать навсегда эту страницу. И что же? Я больше не надену белый халат, никогда не войду в палату к больному? Не стану тем, кто помогает людям? Я снова обратилась к маме. Призналась ей, что тайно пыталась поступить в музучилище, что подумываю бросить медицину.

До сих пор благодарю мою мудрую маму за ее слова: «Решать тебе, доченька, только ты знаешь, что для тебя лучше, и какая твоя судьба. Выбери то, без чего ты не сможешь жить».

И я шла от телеграфа в то пустынное летнее воскресенье – домашнего телефона у меня не было, поэтому родителям в Измаил я звонила с центрального телеграфа. Я шла по парку, вдоль речки, пока не села на лавочку, замерев. И все думала, думала. Меня манила музыка, я была влюблена в свой голос, но я уже почувствовала, что такое мир врача, встретила потрясающих докторов, я восхищалась ими, той жертвенностью, тем рвением и горячностью, которую они вкладывали в свою работу. Мне нравилось быть причастной к этому. Я не понимала до конца, что я выбираю, какой будет мой путь, с какими трудностями я столкнусь, чему научит меня моя специальность, сколько шишек я набью, прежде чем почувствую уверенность в своих силах, и признаюсь себе, что я на своем месте. Но тогда я твердо и самостоятельно, возможно, впервые, сделала выбор, который определил мою жизнь. Музыка навсегда осталась частью меня, я жарко люблю ее, как слушатель, и я ей очень благодарна за людей, которые мне встретились благодаря ей, за силы, которые она мне дает, когда я выгораю или устаю от врачевания. Но я врач, и это навсегда.

Дунай в моей крови, и как я научилась мечтать

Самое прекрасное время из детства, которое я вспоминаю в мельчайших деталях, это лето в одиночестве. Измаил. Мне 13 лет, я лежу на раскладушке с тарелкой винограда на пузе. Он горячий, потому что я только сорвала его и окатила водой из-под крана. Ягоды круглые, светло-зеленые. Надкусываю, и упругая кожица лопается, а потом я пальчиками снимаю ее, оставляя сладкую рыхлую мякоть, сплевываю косточки на блюдце. И мне совершенно не лень это проделывать с каждой виноградиной. Мне так вкуснее.

Старые лохматые виноградные лозы сплелись над моей головой в беседку. Сквозь широкие мясистые листья солнце рисует узоры на брусчатке двора, который утром и вечером мы обязательно сбрызгивали водой для прохлады и чистоты. Так хотела мама.

Полдень. Солнце играет лучами с нашим лохматым и смешным псом, он виляет хвостом, но ленится бегать за лучиками и только иногда вскидывает лапу. Пес тяжело дышит, высунув язык, рядом полная миска воды, которую он за день расплескивает, купая в ней морду. Солнечные зайчики бегают по мне и по белому столу у летней кухни, где мы всегда ужинаем всей семьей летними вечерами.

На день мне всегда давали задания: собрать виноградные листья на долму и вишню с дерева на вареники, вынуть из ягод косточки, засыпать их сахаром, чтобы пустили сок, набить абрикосовых косточек, которыми мама фаршировала мясистые абрикосы с базара и варила из них удивительно вкусное варенье, подмести двор или сходить в магазин со списком продуктов. Я это делала быстро: либо в начале дня, либо оставляла на вечер, к приходу мамы, потому что большая часть летнего времени на каникулах принадлежала мне. Я включала кассету с любимой музыкой и танцевала во дворе, где никто меня не видел, и была самой собой – скидывала шлепки и танцевала под песни итальянской эстрады 80-х.

Большую часть дня я обычно читала очередную книгу из списка литературы на лето. Если честно, я читала все подряд, не только обязательные классические произведения. Рекомендации мамы, одноклассниц, библиотечные находки. Это было настолько упоительно, что мне стоило всегда огромных усилий отодрать себя от книги к приходу мамы с сестрами из детского сада.

Момент погружения в книгу у меня сложился еще тогда и неизменен по сей день. Трудно вначале: я вползаю, втискиваюсь, как в узкое бутылочное горлышко, в произведение. Бесконечно отвлекаюсь, теряю мысль, скучаю, перечитываю одну и ту же строчку, но нельзя сдаваться, потому что в один прекрасный момент что-то щелкает, ты летишь в кроличью нору, не понимая, что тебя ждет, но обратного пути нет, и ты отдаешься потоку, не замечаешь, как пролетает день за книгой, трудно прерваться, это мука. Ты живешь весь день в произведении, проигрываешь сюжеты, представляешь главных героев, мысленно достраиваешь историю или пытаешься предсказать, что будет дальше. Она влияет на твоё настроение, поведение. И ты не можешь дожидаться вечера, чтобы под одеялом с фонариком читать, пока не засекут. Наступает утро, мама отводит сестер в детский сад, дает мне задания на день. Папа, как всегда, в рейсе. Мы с книгой наедине, вот оно – счастье!

Иногда я садилась на велосипед и ехала к Дунаю. Устраивалась либо на лавке в тени огромного платана или ели, коих много росло на набережной, либо на теплом причале вечером, когда уже все лодки и катера устало засыпали. Закат постепенно таял на румынской стороне, и отроги Карпат голубыми треугольными зубцами погружались в вечернюю дымку. Помню однажды, как сидела на горячем понтоне, открыв низкие причальные дверцы из рабицы, передо мной быстрыми мутными водами тек Дунай, большой, глубокий. Я была погружена в очередной приключенческий роман настолько глубоко, что не заметила, как тихо катер почти причалил прямо к моей дверце. Чей-то низкий голос заставил меня очнуться: «Не меня ли ты

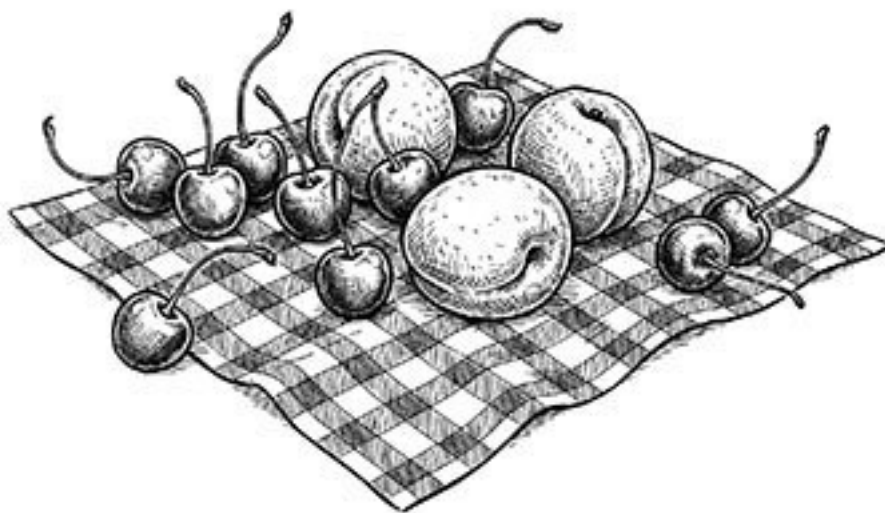
ждешь, Ассоль?» – сказал моряк и громко расхохотался, очень довольный своей шуткой. Я так испугалась, что кубарем откатилась назад, ибо сидела, сложив ноги по-турецки. Я вскочила и, теряя шлепки, побежала к своему велосипеду, быстро прицепила книгу к багажнику, и умчала с причала. Я так быстро неслась домой тогда, что чуть не попала под грузовик, выехав на встречу, когда огибала большую лужу. Дома я не могла никак прийти в себя после всех этих событий, которые меня страшно напугали. Но самое удивительное, я понимала, что все еще находилась во власти зловещих приключений той книги – я словно была ее персонажем, которого загнали в угол.

Присутствие людей отвлекало и смущало меня, поэтому больше всего я любила читать дома, наедине с книгой. Именно тогда я научилась мечтать. Рисовать себе картинки, которые, если оглянуться на много лет назад, сейчас сбываются и порой даже лучшим образом, чем я могла тогда вообразить.

Правильно говорят: надо уметь мечтать дерзко, в деталях, искренне и истово веря в себя и мечту! Сейчас я понимаю, что раньше боялась мечтать о том, что сейчас сбылось и сбывается.

И это счастье – осознавать, что мечта сбылась, но оно, увы, быстротечно. Вы можете быть смелыми и счастливыми, только позвольте себе мечтать! Исполнение мечты – это как раз та самая интересная часть книги, которая увлекает, и ты не замечаешь, как пролетает день, месяц, год. Но книга заканчивается. Мечта исполняется. И становится немножко грустно. Но это не конец! Есть сладостное послевкусие... А потом рождаются новые мечты, и ты снова в игре, стремишься ее исполнить!

Моей мечтой было написать эту книгу. Я так долго боялась. Задавала себе вопросы: зачем это, кому это интересно, разве кто-то захочет читать чьи-то воспоминания, погружаться в историю совершенно обычного человека, который просто любит свое дело и пациентов, помнит о них и захотел записать их истории. Поэтому, для начала, я решила вам рассказать о себе. Как так случилось, что девочка, родившаяся «на краю земли», как мы тогда считали, в далеких бессарабских степях, выросшая на берегу Дуная, пропитанная тем воздухом, выращенная людьми, не имевшими никакого отношения к медицине, но с огромными добрыми сердцами, стала врачом, который пишет истории.

Часть 1

Конкистадоры

Олеся

Олеся Вячеславовна была известным литературным критиком в Москве. Но в онкоцентре она походила на булавочную головку на подушечке белешвейки. Такая же, как и все. Никому не известная и растерянная.

Рак она нашла у себя сама. Отмахнулась от него и еще полгода делала вид, что все нормально. Нет там в груди ничего такого... ну, плохого. Не смотрела на себя в зеркало ниже шеи.

Не видишь проблемы – значит, ее нет.

Но муж Борис как-то ночью вдруг сказал, прижав ее крепко к себе: «Лесь, у тебя на ночнушке кровь в области правой груди. Ты считаешь, это нормально? Завтра везу тебя к онкологу. Возражения не принимаются». Олеся тихо заплакала в объятиях мужа. Она была очень напугана. И долгие месяцы, зарываясь в работу и демонстрируя миру деланную веселость, все глубже погружалась в депрессию, как в зыбучие пески.

Благодаря Борису она на следующий день сидела у кабинета онколога и нервно ковыряла пальцами ногти. Боря взял ее руку и спокойно сжал. Глазами показал, что он рядом и ей нечего бояться. Осмотр прошел проще, чем она думала. Врач осмотрел. Не пугал и не ругал. Просто сказал: идите на пункцию, это не больно, просто укольчик. Объяснил, как добраться по витиеватым коридорам клиники до кабинетов УЗИ. Сразу всем все стало понятно: пора действовать, отбоялись, теперь уже нечего.

Слово «рак» прозвучало буднично и как бы между прочим. «Это хорошо, что рак – гормонозависимый», – сказал врач. «Начнем с химиотерапии, но после операции будет длительная поддержка в виде гормонов. Отдаленных метастазов нет, ну а то, что лимфоузлов в подмышке много не очень симпатичных, – это типично для люминального рака, когда он давнишний. Ну и облучим, естественно. Сканирование скелета еще сделаем. Не суть когда – сейчас или после операции. Даже если окажутся метастазы в костях, мы план менять не будем. Действуем так, словно их нет».

Олеся ничего не поняла, кроме того, что теперь помимо работы, мужа и собаки в ее жизнь надолго ворвался этот онколог.

Отчего-то после немного загадочного плана действий со многими неизвестными стало легче. Словно флажки, на дистанции замелькали слова «химиотерапия», «операция», «лучевая терапия», «гормоны». Не все было понятно, но Олеся поговорила с собой и договорилась: ты начинаешь лечиться – это хорошо, ты не умрешь завтра или в этом месяце – тоже хорошо, останешься без волос – интересный опыт, будешь жить без груди – не смертельно. И даже слово «метастазы», как-то вскользь прозвучавшее в речи доктора, не особенно впечатлило. Ничего ж не ясно. Так что, посмотрим... Борис очень поддерживал Олесю на протяжении всего периода лечения. Доктор-химиотерапевт попалась милая и сразу расположила к себе шутками и добрыми словами. И вообще все оказалось не так страшно, как она думала в начале. Кости оказались «чистыми», без метастазов. Опухоль отреагировала на операцию хорошо, но не так блестяще, как все надеялись. Олеся облучилась и снова вернулась к своей жизнерадостной докторше под наблюдение на гормонах. И теперь ее визиты в онкоцентр были редкими. Раз в 3–4 месяца показаться и поговорить с врачом про побочные эффекты от гормонов и о климаксе.

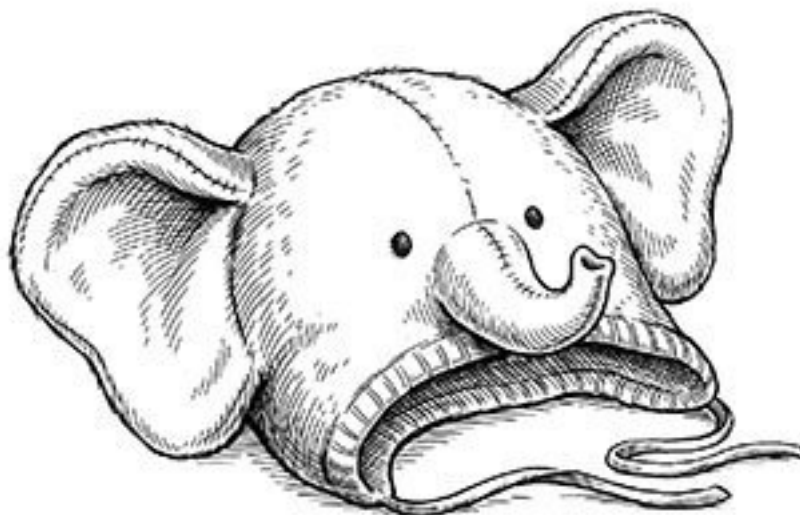
Климакс ворвался в жизнь Леси как чайник со свистком еще во время второй химии, обдав жаром и напугав. «Что со мной, доктор?! Это невозможно! Этого всего не было и так раздражает!», – охала она, хлопая глазами и яростно жестикулируя. А доктор спокойно улыбнулась и заявила, что это именно он, климакс, буянит. Химия «выключила» яичники, наверное, насовсем, что, собственно, ничего удивительного в Лесиной-то 49 лет, но хлопотно и непривычно, ничего не поделаешь, придется подстроиться. Назначила какие-то антидепрессанты, немало удивив этим. Где климакс, а где депрессия? Хотя в жар кидать, и правда, стало меньше. Оказалось, что связь очень даже есть, и тревог и нервов у Леси стало поменьше от этих лекарств. Так что жизнь постепенно обрела новые, довольно интересные очертания. И вообще, все, что не делается – все к лучшему.

На каждый новый курс химиотерапии Леся приходила к доктору в новой вязанной шапочке: то в виде ослика из «Винни – Пуха», то в виде рыбки с короной, то в виде панды, то в виде слоненка с хоботом.

Она была на ярмарке рукоделия и накупила себе всяких таких смешных шапок. А слоник был особенно хорош, его она приберегла напоследок – на финал своей «лысой» жизни. Врачи улыбались и потешались над Лесиной смелостью и непосредственностью. Она громко хохотала и рассказывала, что всегда была в плену каких-то стереотипов в одежде. Мол, положение обязывает. Но с болезнью поняла, что надо успеть посходить с ума немного, раскрепоститься и легче ко всему относиться.

«Как же это по-философски правильно и мудро», – подумала врач, провожая глазами высокую нескладную Олесю Вячеславовну с улыбкой во весь рот, красивыми большими зелеными глазами, в этом ее бохо-стиле, в балахонах и смешных вязаных шапочках. Все, кто видел Лесю, всегда улыбались, и ей это очень нравилось. Да, пусть они считают ее сумасшедшей. Она делала то, что хотела. По завершении лечения она больше никогда не носила этих шапок. Хранила их, вспоминала то время. Но больше никогда не пришлось, слава Богу.

Лесиной ремиссии в этом году исполнилось уже 10 лет. «С юбилеем, – сказал Борис жене, сворачивая к дачному поселку, – начинаем наш очередной Новый год без рака!».

Таня

Развод ворвался в жизнь Тани внезапно и смел на своем пути даже то, что не удалось раку. Казалось бы, достаточным ударом судьбы был сам рак, борьбу с которым она начала еще в прошлом году.

После отпуска врать себе, что все в порядке, она уже не могла. Не в порядке. Опухоль она ощутила еще весной. Думала просто узелок, не страшно, пройдет. Даже на УЗИ сходила, правда, скорее для очистки совести, а не чтобы узнать наверняка.

В первом попавшемся платном медцентре у метро возле работы сидела тусклого вида девушка-администратор, надевшая дежурную улыбку при входе нового посетителя. Помещение было странное, темное, с какими-то нелогичными клубными подсветками синего цвета и рекламными постерами, с которых на Таню смотрели безликие актеры с отполированными фотошопом зубами и кожей.

– Здравствуйте, могу ли я сделать УЗИ груди?

– Добрый вечер, – ответила регистратор, – сейчас посмотрим расписание врача.

Поскольку никого из посетителей не было, Таня предположила, что врач-таки не загружен работой.

С заключением «фиброзно-кистозная мастопатия, узловатая форма», она, успокоенная, вырулила от УЗИстки. Объяснять доктор ничего не стала. Только сказала дежурное: «Вам теперь надо к маммологу, наблюдаться».

В регистратуре сказали, что маммолог у них бывает по вторникам и четвергам. Таня стала мысленно просчитывать, как и с кем поменяться на работе, чтобы стонять к маммологу, но зайдя в метро, в один миг стряхнула с себя эти мысли. «Потом, ближе ко вторнику подумаю», – сказала она себе.

Вторник наступил через 4 месяца. Только теперь Таня неслась к маммологу с совершенно неприличным для бледной Москвы турецким загаром и отчетливым страхом, что-то «там» все-таки не то. После отдыха она поняла, что проблема переместилась в подмышку, и тут уже не отмахнешься.

Маммолог, уставший доктор лет 50, ждал, пока она разденется за ширмой, параллельно опрашивая скучным глухим голосом: последний день месячных, гинекологи ставят диагнозы какие-нибудь, что со щитовидкой... Его холодные большие руки медленно по кругу трогали железу, одну, потом вторую, подмышки, потом вернулись к левой и стали снова ее мять, уже сильнее, оттягивать кожу, давить на сосок.

Таня стояла отвернувшись, руки на поясе, глаза зажмурены, вся, как струна, напряженная.

– Вам больно? – спросил врач, поворачивая ее спиной и мягко ввинчивая свои пальцы над ключицами.

– Нет, – прошептала она.

– Ясно. Одевайтесь.

«Ясно?! Ничего вообще не ясно!» – подумала Таня, натягивая футболку и поправляя волосы.

Врач бегло печатал заключение. Потом взял ее смятое, потрепанное УЗИ, которое она достала из сумочки, с извинениями, мол, простите, что оно в таком nepoтpeбнoм виде, замялось.

– Не переживайте, важнее то, что надо делать новое, не откладывая в долгий ящик.

– Вы о чем, доктор? – спросила испуганная Таня.

– Похоже на рак, но я не могу утверждать. Нужно дообследоваться, – доктор говорил спокойно, даже отстраненно, но именно это и нужно было Тане. Без заламывания рук, напускного сочувствия или запугивания.

Ну что ж. Рак. Ясности, конечно, никакой.

– А ошибки быть не может?

– Надо сделать биопсию, я запишу вас на понедельник, – безапелляционно заявил врач, что-то дописывая в справке.

Таня вышла из клиники в сумерки летнего вечера. Было жарко, даже душно. Но она озябла.

«Что делать дальше? Это, наверняка, ошибка, я не верю. Я и рак?! Этого не может быть. Просто воспаление. Так, сейчас домой. Не буду про это думать. Что на ужин готовить? Сережа уже дома?»

Мысли скакали, как бешенные лошади, ее колотил озноб. «Рак! Ничего себе новости. Идиотизм какой! Так, вчерашнюю буженину они доели. Может пиццу заказать? А что такое вообще эта биопсия? Это больно? Ну что ж я за курица, ничего не спросила! Как готовиться к этому? Сказать Сереже или не говорить? А когда уже пройдет эта биопсия, и что она вообще дает? Так, в интернете вечером почитаю. А если сказать мужу, то как, когда? Между поеданием пиццы и разговорами о работе сообщить: «Знаешь, дорогой, на выходных надо купить моющие средства, порошок, все позаканчивалось, и кстати, у меня рак». Как же тупо. Пока ничего говорить не буду. И вообще думать про это не буду. И читать».

Она так ничего и не сказала Сергею. В тот вечер не нашла слов, не улучила момент, не получилось. Не смогла, не захотела. Даже заплакать не вышло. Ее охватил какой-то ступор, состояние человека, погруженного в вакуум или на дно Марианской впадины. Но вот читать в интернете она начала. Все подряд. И погружаться еще глубже. Ругать себя, выключать телефон, закрывать глаза, думать, думать, думать, брать телефон и снова часами читать.

В понедельник, с темными кругами под глазами, амнезией по поводу того, как она провела эти 4 дня до нового приема онколога, она упала на стул, как мешок, без сил, но с диким страхом.

Врач сделал биопсию. Снова почти ничего не говорил. Таню колотило, язык не слушался, все вопросы из головы испарились.

Рак подтвердили через 2 недели. Она помнила эти 2 недели. Что она делала, как работала, что говорила мужу. Опять читала форумы, плохо спала. И никому ничего не говорила.

Тане понадобилось время, чтобы осознать, принять, поверить, что это не шутка и не ошибка, прежде чем наметить план действий. Она рассказала все подруге Ире. Та быстро включилась и начала действовать, подталкивая и поддерживая Таню без соплей. Нашла хорошего хирурга через знакомых, договорилась про химию у лучшего, по отзывам, доктора в диспансере.

Химиотерапию перенесла непросто: ногти синие, лысая голова, вечная косынка эта, в зеркало смотреть не хотелось, парик как песцовая шапка учительницы, ломка в мышцах, выкручивание суставов, словно их кто узлом морским завязывает пару дней после курса. Кровь вечно подводила.

Сережа вел себя странно с самого начала. Он словно проигнорировал эту информацию. Будто и нет ничего. Любые попытки жены поговорить о раке, химиотерапии или прогнозе он резко прерывал. «Чего ты выдумываешь? Все будет хорошо! Успокойся! Давай не будем». Но между ними пролегла ее болезнь. Он отдалился. Она закрылась.

Было больно и одиноко. Если бы не Ирка, даже сложно представить, как бы она справилась.

Таня оправдывала его. Наверное, это такая защита от стресса. Ни разу не упрекнула, что, мол, все это ты виноват, хотя такие мысли внутри у нее гуляли. После третьего ЭКО Таня поняла, что организм очень уж возмущен таким агрессивным вмешательством в гормональный фон. Ей было 37. Вес сбросить не получалось. Отекла вся, как огромная пористая губка. Раздражительность, прыщи... Врач предупреждала, что это бывает не у всех, но в любом случае временно, все пройдет, бла-бла-бла.

Решение пойти на ЭКО они приняли после 16 лет брака и безуспешных попыток зачать ребенка самостоятельно. Таня была здорова в гинекологическом плане. «Мужской фактор» прозвучал однажды от андролога, и больше они про это с мужем не говорили. Тане не хотелось, чтобы Сережа чувствовал свою вину.

А он и не чувствовал. Он не поверил.

«Роди мне ребенка» прозвучало властно и безапелляционно. Это резкое заявление Таня приняла за что-то милое, такое мужское, патриархальное. Она готова была на многое ради него. Так уж сложилось. Поэтому выбор пал на ЭКО. Потом еще ЭКО, потом снова.

Ушел Сергей после 3-го курса Таниной «химии». Он явно готовился, потому что сумка, которую он достал из шкафа, была собрана почти полностью. Он не объяснял особо, так бросил сухое: «Я ухожу. Мне все это не очень нравится. Я рассчитывал на нормальную семью, жену, ребенка. Теперь вот еще это. Перебор сложностей. Я желаю тебе вылечиться. Созвонимся». И ушел.

Таня так и осталась стоять в дверях кухни в пижаме, бандане и с полотенцем в руках. Потом она осела, плюхнулась на стул со вскинутыми бровями и полуоткрытым ртом.

«Ушел? Три ЭКО, рак... Не вытянул? Слишком много трудностей?!» –

Ира просто орала в трубку. – Сейчас приеду. Не реви, Тань! Эта мразь не стоит ни одной твоей слезинки!».

Кроме Ирины в эту историю Таня посвятила еще одного человека – доктора, которая с самого начала все объяснила, успокоила и рассмешила. Только ей Таня могла показать свой страх и неуверенность. Доктор стала ее другом. Особым и важным человеком. Потому что оказалось, что онкология – это не про смерть, а про новую жизнь. И кто сказал, что она будет хуже?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.